

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 3. С. 11–35.

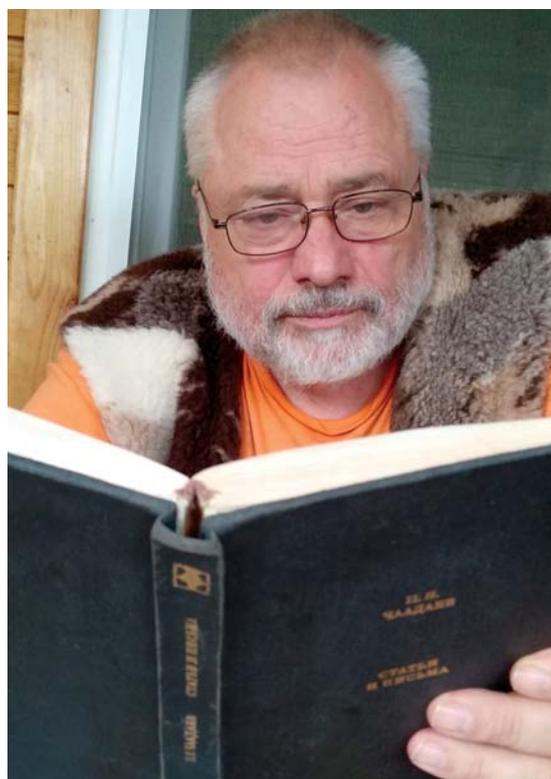
Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2021. Vol. 4, no. 3. P. 11–35.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2021-4-3-11-35

ДВА РУССКИХ КЛАССИКА, ИЛИ СИЛЬНЫЕ ЛЮДИ: К ДВУХСОТЛЕТИЮ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И Н. А. НЕКРАСОВА

Владимир Карлович Кантор

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, vlkantor@mail.ru

Аннотация. Поводом для написания статьи стал двухсотлетний юбилей двух великих русских писателей XIX века — Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова. Автор ставит задачу найти связующие нити в их биографиях и творчестве. Как оказалось, специалисты по Достоевскому и специалисты по Некрасову работают, почти не пересекаясь. Автор показывает непрерывность и глубину контактов русских гениев. Так, он выдвигает предположение, что прототипом Версилова, главного героя «Подростка», можно назвать Некрасова. Такой поворот в исследовании предполагает понимание целостного бытия русской литературы

и русской мысли. По справедливому замечанию Льва Шестова, русская литература и есть русская философия. В статье обращается внимание на характер личностей обоих писателей, конечно, разный в той же степени, что и их судьба, но обладающий огромной внутренней силой. Эта сила духа в сложных условиях жизни, ее бед и ужасов (голодная юность, каторга, болезни и т. п.) позволила им творить смыслы русской культуры, структурировать ее, утверждая в своих литературных произведениях принципы добра и красоты. Жизнь, ее осмысление и воплощение в прозе и поэзии, профессионализм создателей и редакторов журналов позволял и тому, и другому преодолевать бульварно-идейную вражду, протягивая руку помощи и поддержки друг другу в трудные минуты. Духовная близость и духовная конфронтация двух русских гениев стали важнейшим событием для русской классической литературы и культуры России.

Ключевые слова: Достоевский, Некрасов, Чернышевский, Россия, народ, каторга, журнал, слава, женщины, посмертная судьба

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Кантор В. К. Два русских классика, или Сильные люди: к двухсотлетию Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 3. С. 11–35.

<https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-3-11-35>.

From the Editor

TWO RUSSIAN CLASSICS, OR STRONG PEOPLE:
TO THE BICENTENNIAL OF F. M. DOSTOEVSKY AND N. A. NEKRASOV

Vladimir K. Kantor

National Research University “Higher School of Economics”,
Moscow, Russia, vlkantor@mail.ru

Abstract. The reason for the article was the bicentennial anniversary of two great Russian writers of the 19th century F. M. Dostoevsky and N. A. Nekrasov. The author sets the task of finding the connecting threads in their biographies and in their work. As it turned out, Dostoevsky specialists and Nekrasov specialists work

almost without intersection. The author shows the continuity and depth of contacts between Russian geniuses. Among other things, he puts forward the assumption that the prototype of Versilov, the protagonist of “Teenager”, can be called Nekrasov. Such a turn in research presupposes an understanding of the integral existence of Russian literature and Russian thought. As Lev Shestov justly remarked, Russian literature is Russian philosophy. The article draws attention to the nature of the personalities of both writers, of course different to the same extent as their fate is different, but possessing tremendous inner strength. This fortitude in difficult conditions of life, its troubles and horrors (hungry youth, hard labor, illness, etc.), allowed them to create the meanings of Russian culture, structure it, affirming the principles of goodness and beauty in their literary works. Life, its comprehension and its embodiment in prose and poetry, the professionalism of the creators and editors of magazines allowed both of them to overcome tabloid-ideological enmity, extending a helping hand and support to each other in difficult times. Spiritual closeness and spiritual confrontation of two Russian geniuses became the most important event for Russian classical literature and Russian culture.

Keywords: Dostoevsky, Nekrasov, Chernyshevsky, Russia, people, hard labor, magazine, glory, women, posthumous fate

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Kantor, V.K. (2021) ‘Two Russian Classics, or Strong People: to the Bicentennial of F.M. Dostoevsky and N.A. Nekrasov’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(3), pp. 11–35. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2021-4-3-11-35.

Прочтите эти страдальческие песни сами,
и пусть вновь оживет наш любимый и страстный поэт!

Страстный к страданию поэт!..

Достоевский о «Последних песнях» Некрасова

Прежде чем перейти к сюжету статьи, хочу высказать одно пропедевтическое соображение. Поэмы Гомера, трагедии Эсхила и диалоги Платона создали Элладу, Конфуций создал китайское пространство, иудейские пророки создали Израиль, Данте и Августин — средневековую Европу,

Ф. М. Достоевский. Фотография М. Б. Тулинова. 1861
F. M. Dostoevsky. Photo by Mikhail B. Tulinov. 1861

Н. А. Некрасов. Литография П. Ф. Бореля. 1860
N. A. Nekrasov. Lithograph by P. F. Borel. 1860

Шекспир — Англию, Рабле — Францию, Гёте — Германию. Как писал Мераб Мамардашвили, Россия возникла из русской литературы и русской философии. И имена Достоевского и Некрасова здесь не случайные.

Ни одна самая сюжетно запутанная мелодрама никогда не сравнится с поворотами реальных человеческих судеб. А когда это судьбы выдающихся людей, то стоит немного поглядеть со стороны, чтобы удивиться и осознать, что от моральной катастрофы их удерживало только с юности усвоенное ими чувство чести. Кстати, полученное почти из воздуха — из чтения книг, из умения думать. Вообще-то одновременный полный юбилей двух русских классиков невольно подводит к вопросу: а объединяет ли их что-либо, кроме эпохи и языка? Отвечая на него, мы вступаем в пространство почти невероятного романа с удивительным переплетением судеб и идей. Так бывает только в литературе. А в жизни? Оказывается, что и в жизни бывает. Очень даже бывает!

Оба юноши вышли из не очень богатых семей. Но если предки Некрасова были богаты и свое состояние спустили в карты, оставив молодого человека практически ни с чем, то отец Достоевского, простой штаб-лекарь, держался на уровне, так сказать, бытовой обеспеченности. В 1838 году *москвич Федор Достоевский* поступил в *Главное инженерное училище* в Санкт-Петербурге, которое окончил в 1843 году и был зачислен инженером-подпоручиком в Петербургскую инженерную команду. Но уже в начале лета 1844 года подал в отставку. Всю молодость он мечтал посвятить себя литературе, и планка, на которую он ориентировался, была весьма высокой — Шекспир, Шиллер. Сидя в съемной квартирке, он почти

год писал свой первый роман «Бедные люди», начав в 1844 году. В 1845-м он переписал его заново и стал думать о возможности и месте публикации.

В Петербурге, этом огромном европейско-русском городе, двух юных литераторов и свела судьба. К тому времени, когда Достоевский завершил свой роман, Некрасов уже оброс литературными связями, даже вошел в круг Белинского, самого влиятельного критика тех лет. Но два слова о Некрасове.

Мать поэта хотела, чтоб Николай был образованным человеком, и говорила ему, что он должен поступить в университет, поскольку образованность приобретает в университете, а не в специальных школах. Но отец не хотел и слышать об этом; он послал Некрасова в Петербург для поступления в кадетский корпус. Экзамен в университет юноша не выдержал и записался туда вольнослушателем. А стало быть, надо зарабатывать. Денег было настолько мало, что не каждый день он мог пообедать. Со школы помню трогательный рассказ, как поэт приходил в харчевню, где дозволялось почитать газету и были бесплатные хлеб и соль. И вот юноша прикрывался газетой и ел хлеб с солью. Питание было дикое, и так длилось долго. Рак кишечника, от которого он умер, был не случаен. Не всегда находилось и место для жилья. Некоторое время он снимал комнатку у солдата, но как-то от продолжительного голодания заболел, много задолжал и, несмотря на ноябрьскую ночь, остался без крова. На улице над ним сжалился проходивший нищий и отвел в одну из ночлежек, где Некрасов провел некоторое время. Через год он нырнул в литературную жизнь, где долго не имел успеха. Как пишут о Некрасове литературоведы и историки, он составлял азбуки, писал сказки, детские пьески, водевили, исправлял рукописи других авторов. Кажется, нет такого журнального жанра, который не был бы испробован Некрасовым. Итоги этого сизифова труда исчислялись в сотнях печатных листов. Но он всё выдержал, человек был невероятной внутренней силы. Он долго чувствовал себя бедным разночинцем. Даже свою многолетнюю возлюбленную Авдотью Панаеву, жену приятеля, соиздателя Ивана Панаева он добивался несколько лет. Существует некий рассказ (степень правдивости недоказуема), что как-то Некрасов и Панаева плыли по Волге в лодке, и красавица сказала, что, мол, нынешние мужчины красиво говорят о любви, но кто из них прыгнет в Волгу, чтобы доказать свою любовь. Некрасов встал на борт лодки и прыгнул. И покорило сердце капризницы. Панаев, однако, с ней не развелся, и образовался длительный союз трех — красивой женщины и двух мужчин, характерный для русской элиты.

Именно о страданиях влюбленного разночинца он написал «Застенчивость». Приведу начало этого длинного, но совершенно «разночинско-достоевского» по пафосу стихотворения:

Кирилл Горбунов. Портрет Авдотьи Яковлевны Панаевой. 1841
Kirill Gorbunov. Portrait of Avdotya Yakovlevna Panaeva. 1841

Ах ты, страсть роковая, бесплодная,
Отвяжись, не тумань головы!
Осмеет нас красавица модная,
Вкруг нее увиваются львы:

Поступь гордая, голос уверенный,
Что ни скажут — их речь хороша,
А вот я-то войду как потерянный
И ударится в пятки душа!

[Некрасов, 1981–2000, т. 1, с. 113]

Панаева считалась одной из красивейших женщин петербургского света. В нее влюблялись все посетители литературного салона ее мужа. Даже

молодой Достоевский подпал под ее чары, сильно влюбился, а позднее в романе «Идиот», изображая Настасью Филипповну, описал фотографию Панаевой.

Поразительно, но этот бедный ярославский провинциал не ожесточился от нищеты. Он дал себе слово разбогатеть, и разбогател. В отчасти автобиографическом стихотворении «Секрет» (1851) есть такие строчки:

В руках была палка предлинная,
Котомка пустая на ней,
На плечах шубенка овчинная,
В кармане пятнадцать грошей.

Ни денег, ни званья, ни племени,
Мал ростом и с виду смешон,
Да сорок лет минуло времени —
В кармане моем миллион.

[Там же, с. 160]

Но миллион случится не скоро. К миллиону он шел через издательские дела и через... карты. И Достоевский, и Некрасов были азартные игроки, но Достоевский всегда был в проигрыше, Некрасов же — всегда в выигрыше. В середине 1840-х он стал издателем, собирал молодых авторов в свои сборники, стараясь определить новое направление. Вот тогда-то путь юного Достоевского впервые пересекся с путем Некрасова.

Об этом эпизоде рассказывали многие, даже сам Достоевский. Но приведу здесь рассказ человека достойного, знаменитого юриста А. Ф. Кони, знавшего и Достоевского, и Некрасова:

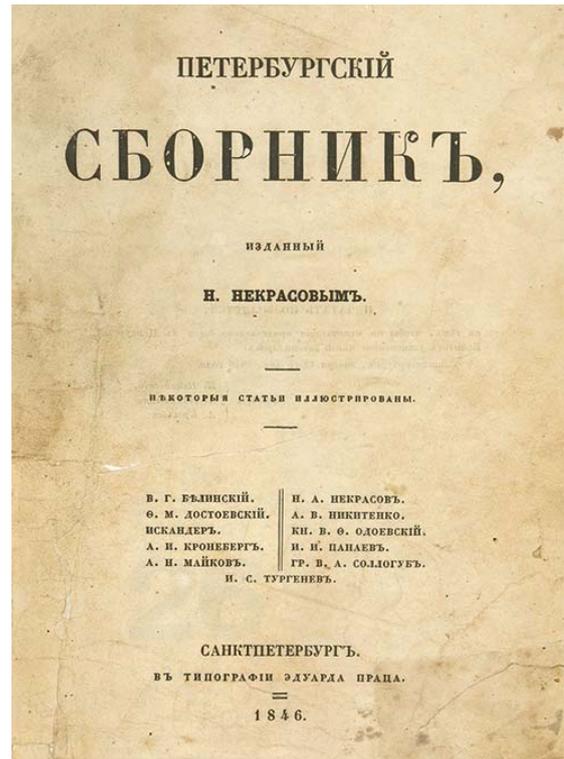
Весною 1845 года начинающий, впоследствии очень известный, писатель Григорович взял у своего сотоварища по воспитанию в Инженерном Училище рукопись его первого литературного труда и отнес ее к Некрасову, собиравшему материалы для «Петербургского Сборника».

Чтение рукописи привело их в восторг и вызвало у сдержанного вообще Некрасова слезы. С известием об этом впечатлении, самым ранним утром, Григорович поспешил к автору, а затем вместе с Некрасовым отправился к знаменитому русскому критику. — «Белинский!» — вскричал один из них, входя, — «новый Гоголь народился!».

[Кони, 1921, с. 47]

Много лет спустя, посетив больного поэта, Достоевский писал в «Дневнике писателя» за 1877 год:

Странно бывает с людьми; мы в жизнь нашу редко видались, бывали между нами и недоумения, но у нас был один такой случай в жизни, что я никогда не мог забыть о нем. Это именно наша первая встреча друг с другом в жизни. И что ж, недавно я зашел к Некрасову, и он, больной, измученный, с первого слова начал с того, что помнит об тех днях. Тогда (это тридцать лет тому!) произошло что-то такое молодое, свежее, хорошее, — из того, что остается навсегда в сердце участвовавших. Нам тогда было по двадцати с немногим лет. Я жил в Петербурге, уже год как вышел в отставку из инженеров, сам не зная зачем, с самыми неясными и неопределенными целями. Был май месяц сорок пятого года. В начале зимы я начал вдруг «Бедных людей», мою первую повесть, до тех пор ничего еще не писавши. Кончив повесть, я не знал, как с ней быть и кому отдать. Литературных знакомств я не имел совершенно никаких, кроме разве Д. В. Григоровича, но тот и сам еще ничего тогда не написал, кроме одной маленькой статейки «Петербургские шарманщики» в один сборник. Кажется, он тогда собирался уехать на лето к себе в деревню, а пока жил некоторое время у Некрасова. Зайдя ко мне, он сказал: «Принесите рукопись» (сам он еще не читал ее); «Некрасов хочет к будущему году сборник издать, я ему покажу». Я снес, видел Некрасова минутку, мы подали друг другу руки. Я сконфузился от мысли, что пришел с своим сочинением, и поскорей ушел, не сказав с Некрасовым почти ни слова. Я мало думал об успехе, а этой «партии Отечественных записок», как говорили тогда, я боялся. Белинского я читал уже несколько лет с увлечением, но он мне казался грозным и страшным и — «осмеет он моих «Бедных людей»!» — думалось мне иногда.

Первая публикация Ф. М. Достоевского: роман «Бедные люди». Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым. 1846

The first publication of F. M. Dostoevsky: the novel "Poor People". Petersburg collection, published by N. Nekrasov. 1846

[Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 28]

Ф. М. Достоевский в 26 лет. Рис. К. Трутовского.
Итальянский карандаш, бумага. 1847. ГЛМ

F. M. Dostoevsky at the age of 26. K. Trutovsky.
Italian pencil on paper. 1847. GLM

Восторг первых читателей был неподдельным. Они прибежали к Достоевскому в четыре утра — выразить свое восхищение, поскольку нельзя спать рядом с великим произведением искусства.

Белинский был очень болен, но оставался идейным вдохновителем нового направления. Надо пояснить, что в эти годы в России тон задавала так называемая натуральная школа. Она, прежде всего, рассматривала поверхность бытия, предполагала сострадание к низшим сословиям, к «униженным и оскорбленным», или, как позже назвал Добролюбов этих героев, анализируя прозу Достоевского, — к «забытым людям». Но также поощряла и сатирическое изображение высших. Потом Чернышевский назвал эту эпоху «гоголевским периодом русской литературы».

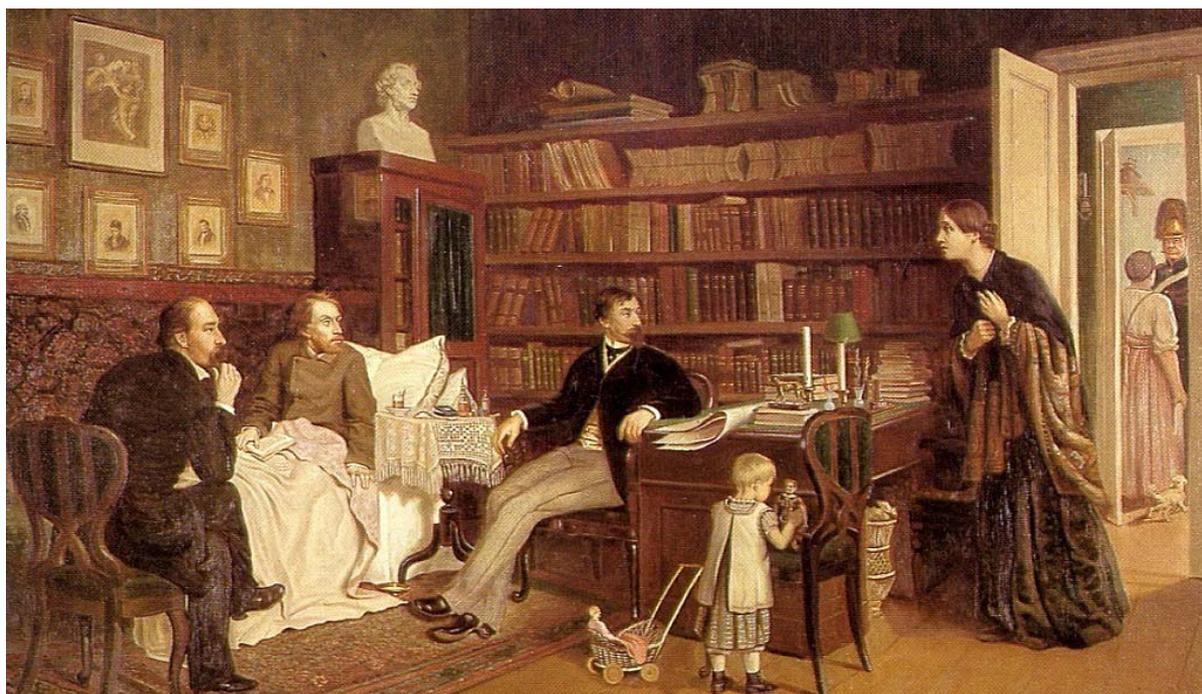
В таком контексте и был прочитан роман Достоевского.

На слова двух молодых апологетов натуральной школы последовал резкий ответ.

«Эк у вас Гоголи-то как грибы растут», — сурово сказал Белинский, однако взял рукопись, а вечером в тот же день пришел к ним сказать, что совершенно восхищен этим произведением и непременно желает видеть молодого автора, которого затем приветствовал самым душевным образом и, так сказать, благословил на дальнейшую писательскую деятельность. Этот молодой автор был Достоевский, а произведение его называлось «Бедные люди», в котором затронутые Гоголем душевные переживания скромного труженика, «унижаемого и оскорбляемого» и людьми и судьбой, изображены с гораздо большей широтой и берущей за сердце глубиной.

[Кони, 1921, с. 48]

Лидеры натуральной школы приняли его за своего, за писателя, живущего интересами только сегодняшнего дня. Для них он был тот же Гоголь, ну

А. А. Наумов. Н. А. Некрасов и И. И. Панаев у больного В. Г. Белинского. 1881
A. A. Naumov. N. A. Nekrasov and I. I. Panaev at the sick V. G. Belinsky. 1881

немножко иной. Достоевский же шел в глубину, ему хотелось проникнуть в метафизику человеческой судьбы, или, говоря его словами, «найти человека в человеке». Его «Двойник», который материалом напоминал и гоголевскую «Шинель», и «Бедных людей» самого Достоевского, не был принят. Забывалось, что Гоголь был автором не только «Шинели» о забитом чиновнике, но и «Вия», «Страшной мести», которая сказалась на докаторжной повести Достоевского «Хозяйка». Ну а «Мертвые души» тоже не были просто сатирой, ведь Гоголь ориентировался на «Ад» Данте.

Белинский умирал, но его заветами жил журнал «Современник», который выкупили И. Панаев и Н. Некрасов. И «верным ученикам» Достоевский казался отступником. Быть может, свою роль тут сыграла и зависть к успеху молодого и малоизвестного тогда писателя. Вот одна из самых скверных шуток двух знаменитостей — Некрасова и Тургенева — «Послание Белинского к Достоевскому». То есть от лица сверхуважаемого тогда Достоевским критика зарифмованная издевка:

Витязь горестной фигуры,
Достоевский, милый пыщ,
На носу литературы
Рдеешь ты, как новый прыщ.

[Некрасов, 1981–2000, т. 1, с. 423]

22 декабря 1849 (3 января 1850 года) на Семёновском плацу петрашевцам был прочитан приговор о «смертной казни расстрелянием». Рисунок Б. Покровского

December 22, 1849 (January 3, 1850) on the Semyonovsky parade ground the Petrashevites were sentenced to “the death penalty by shooting”. Drawing by B. Pokrovsky

Затея была Тургенева, поэтому Некрасова, который ввел его в литературу, Достоевский извинил, но барин Тургенев отныне был ему непереносим.

В первые годы, годы дебюта, особенность Достоевского уже чувствовалась. Тогда его необычность раздражала современников. Ему же натуральная школа стала казаться *мундирной*, ведь в ней были сюжеты, ходы и образы, которые требовали *стойки смирно*. Несчастный бедняк, омерзительный богач и т. п. Под этим мундиром он искал нечто другое.

Поразительно, как судьбы Гоголя и Белинского и далее переплелись в судьбе Достоевского. В 1849 году за чтение вслух письма Белинского к Гоголю в кружке Петрашевского он был приговорен к «смертной казни расстрелянием». Духовный опыт ожидания смерти погрузил его в глубины человеческого бытия, о которых натуральная школа даже не подозревала.

На каторге, названной Достоевским «мертвым домом», он осознал всю сложность контакта с народом, с крестьянством. В те годы тургеневские «Записки охотника» казались своего рода откровением, высшим выражением возможного понимания русского крестьянства. Хотя, как теперь понятно, это был взгляд сверху вниз, взгляд барина. Взгляд, если сказать жестче, Миклухо-Маклая на папуасов. Неслучайно «крестьянским демократом» назвали Некра-

сова, а не Тургенева. Многие стихи Некрасова в духе тургеневских охотничьих записок, но в основном он писал как бы изнутри крестьянской психеи: «Мороз Красный Нос», «Кому на Руси жить хорошо», «Коробейники» и т. д. — с прочувствованной фольклорной интонацией:

В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина.
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож,
Сошлись — и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

[Там же, т. 5, с. 5]

«Откровение» Достоевского было страшнее.

Напомню, что Христа распяли с разбойниками. Потом политические и уголовные шли по разным линиям. И вдруг петрашевцев, политических, соединили на каторге с уголовниками. Это была выдумка Николая I, столетие спустя подхваченная Сталиным. Такая вот амальгама. Достоевский там увидел не народ из «Записок охотника», народ грубоватый, но вполне вписывающийся в цивилизованный ряд, окружающий барина, только этажом ниже. Народ у Достоевского — реальный и страшный, барин для него сущностный враг. Чтобы не сойти с ума, Достоевский искал человека в человеческой особи. Это иной духовный опыт, чем у Некрасова, и тем более у Тургенева.

Не испытав, нельзя судить о некоторых вещах. Скажу одно: что нравственные лишения тяжелее всех мук физических. Простолудин, идущий в каторгу, приходит в свое общество, даже, может быть, еще в более развитое. Он потерял, конечно, много — родину, семью, всё, но среда его остается та же. Человек об-

разованный, подвергающийся по законам одинаковому наказанию с простолюдином, теряет часто несравненно больше его. Он должен задавить в себе все свои потребности, все привычки; перейти в среду для него недостаточную, должен приучиться дышать не тем воздухом... Это — рыба, вытщенная из воды на песок... И часто для всех одинаковое по закону наказание обращается для него в вдесятеро мучительнейшее. Это истина... даже если б дело касалось одних материальных привычек, которыми надо пожертвовать.

[Достоевский, 1972–1990, т. 4, с. 55]

Но Достоевский, как и Некрасов, был человек невероятной силы, он всё выдержал и не сломался.

Некрасов не забывал своих друзей, потерпевших крушение, попавших в «мертвый дом». Удивительно, как в поэме о каторге «Несчастные» (1855) под именем Крот он вывел скорее всего Достоевского, которого еще не вернули из Сибири (интеллектуал среди уголовников). Слова Крота — это озвученная позиция великого писателя:

Меж нами был один: его
Не полюбили мы сначала —
Не говорил он ничего,
Работал медленно и мало.
Кряхтя, копается весь день,
Как крот, — мы так его и звали, —
А толку нет: не то чтоб лень,
Да силы скоро изменяли.

<...>

Он говорил: «Во многом нас
Опередили иноземцы,
Но мы догоним в добрый час!
Лишь бог помог бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольней —
Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знает середины —
Черна — куда ни погляди!
Но не проел до сердцевины
Ее порок. В ее груди
Бежит поток живой и чистый

Еще немых народных сил:
Так под корой Сибири льдистой
Золотоносных много жил».

<...>

При слове «Русь», бывало, встанет —
Он помнил, он любил ее,
Заговоривши про нее —
До поздней ночи не устанет.

[Некрасов, 1981–2000, т. 4, с. 39–42]

Тургенев высокомерно писал, что поэзия в стихах Некрасова даже не ночевала, Достоевский находился с поэтом в постоянном творческом контакте. В гениальной повести «Записки из подполья» (1864), которая считается увертюрой к его великому пятикнижию, эпиграфом ко второй части он берет стихотворение Некрасова «Когда из мрака заблужденья...». А некрасовского «Власа» Достоевский делает предметом своего разбора в одной из глав «Дневника писателя» за 1873 год. Это любопытный анализ. Некрасов изображает богатого мужика Власа, мироеда, не знавшего никакой жалости. И вдруг грянул гром, тяжелая болезнь переменяла его. Очень фольклорная тема (вспомним Кудеяра-разбойника), да и в жизни такое случалось (к примеру, история Константина Леонтьева).

В армяке с открытым воротом
С обнаженной головой,
Медленно проходит городом
Дядя Влас — старик седой.
На груди икона медная:
Просит он на божий храм, —
Весь в веригах, обувь бедная,
На щеке глубокий шрам;
Да с железным наконешником
Палка длинная в руке...
Говорят, великим грешником
Был он прежде. В мужике
Бога не было; побоями
В гроб жену свою вогнал;
Промышляющих разбоями,
Конокрадов укрывал;
У всего соседства бедного

Скупит хлеб, а в черный год
Не поверит гроша медного,
Втрое с нищего сдерет!
Брал с родного, брал с убогого,
Слыл кащеем-мужиком;
Нрава был крутого, строгого...
Наконец и грянул гром!

<...>

Роздал Влас свое имение
Сам остался бос и гол
И собирать на построение
Храма божьего пошел.
С той поры мужик скитается
Вот уж скоро тридцать лет,
Подаянием питается —
Строго держит свой обет.

[Там же, т. 1, с. 152–154]

Именно этот сюжет использовал Достоевский в предпоследнем своем романе из великого пятикнижия, — «Подросток». Так что творческий контакт двух литераторов не прерывался. И Некрасов всё время помнил о писателе, которого он ввел в большую литературу. А каторга прибавила новые смыслы к его судьбе.

Вот слова Достоевского о Некрасове:

Когда я воротился из каторги, он указал мне на одно свое стихотворение в книге его: «Это я об вас тогда написал», — сказал мне. А прожили мы всю жизнь врознь. На страдальческой своей постели он вспоминает теперь отживших друзей:

Песни вещие их не допеты,
Пали жертвою злобы, измен
В цвете лет; на меня их портреты
Укоризненно смотрят со стен.

Тяжело здесь слово это: *укоризненно*. Пребыли ли мы «верны», пребыли ли? Всяк пусть решает на свой суд и совесть.

[Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 31]

* * *

И что чрезвычайно важно, поэт, может, и не шел в Достоевскую глубину, но был широк, всю жизнь поддерживая всё талантливое. Он вывел на литературное поприще не только Достоевского, но и Толстого, и Чернышевского. Он опубликовал первую повесть Толстого (псевдоним ЛНТ) «Детство» под названием «История моего детства». Отсюда началась слава великого писателя. А Чернышевского, «мальчишку», по определению противников, сделал своим соредактором, совладельцем журнала.

Уже на каторге Чернышевский писал купцу К. Т. Солдатёнку, человеку, рискнувшему в свое время издать собрание сочинений полузапретного Белинского и отдавшему половину дохода от издания жившей в бедности вдове критика: «Некрасов — мой благодетель. Только благодаря его великому уму, высокому благородству души и бестрепетной твердости характера я имел возможность писать, как я писал. Я хорошо служил своей родине и имею право на признательность ее; но все мои заслуги перед нею — его заслуги» [Чернышевский, 1950, с. 793]. Более того, писатели-дворяне (надо сказать, великие — Толстой, Тургенев, Гончаров, Дружинин) желали выгнать из журнала Чернышевского-семинариста, которого называли «клоповоняющим господином», однако Некрасов резко обозначил свою неуступчивость ярославца (ярославские мужики считались самыми крутыми в России), расторгнув в 1858 году соглашение со знаменитыми писателями. Отныне лидером, идеологом «Современника» стал Чернышевский.

Надо добавить, что у Достоевского возник контакт именно с новым лидером журнала и совершенно не сложились отношения с Тургеневым, которого он презирал как человека и общественного деятеля. Да и с Толстым он тоже расходился, особенно в период Балканской войны. Стоит привести фразу Достоевского о его видении Чернышевского в контексте неприятия этого разно-

Н. Г. Чернышевский. Фотография
В. Я. Лауфферта. 1859

N. G. Chernyshevsky. Photo by V. Ya. Lauffert. 1859

чинца литераторами-дворянами: «Герцен мне говорил, что Чернышевский произвел на него неприятное впечатление, то есть наружностью, манерою. Мне наружность и манера Чернышевского нравились» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 25].

А Некрасов из уважения к Чернышевскому пообещал, что ко дню ангела его жены Ольги Сократовны он напишет стихотворение, где изобразит свои ощущения красоты Ярославской губернии (записка с обещанием от 14 мая 1861 года сохранилась). Так написаны были «Крестьянские дети».

Два кресла в редакции «Современника»: слева — Некрасова, справа — Чернышевского
Two armchairs in the Sovremennik editorial office: on the left — by Nekrasov, on the right — by Chernyshevsky

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши — живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.

Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи.

[Некрасов, 1981–2000, т. 2, с. 115]

Роман «Что делать?», написанный в Петропавловской крепости, Некрасов хоть и опасался, но всё же напечатал у себя («Современник», 1863). После запрещения «Современника» (1866) Некрасов приобретает права на издание «Отечественных записок» — журнала, потерявшего практически всех подписчиков. И делает его снова ведущим органом русской интеллигенции. Цензура, правда, считала, что журнал слишком оппозиционный, но не трогала. Некрасов что-то опубликовать там не мог, но писал. Скажем, выдал каторжанину Чернышевскому высшую оценку. Что бы ни говорили о революционерах-демократах, но точка отсчета у Некрасова, как

и у Достоевского, была одна — Христос. Назвав Чернышевского пророком, он вложил в свое стихотворение вполне евангельский смысл.

ПРОРОК

Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!..»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любит он возвышенной и шире,
В его душе нет помыслов мирских.
«Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других!»

Так мыслит он — и смерть ему любезна.
Не скажет он, что жизнь ему нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте;
Его послал бог Гнева и Печали
Рабам земли напомнить о Христе.

(Август 1874)

[Там же, т. 3, с. 154]

В середине 1870-х Некрасов вдруг приглашает Достоевского, своего журнального оппонента, которого сотрудники «Отечественных записок» на дух не переносили, в свой журнал. И предлагает ему гонорар много выше, чем платил Катков: Некрасов предложил 250 рублей за лист, тогда как Катков платил только 150 рублей. Это был 1874 год. Достоевский немного растерялся, всё же они были журнальными противниками, но по совету жены Анны Григорьевны, согласился представить роман в следующем году. Это был «Подросток».

Начал он текст, как будто это не художественное произведение, а и в самом деле «записки юноши», записки, выдернутые из гущи жизни:

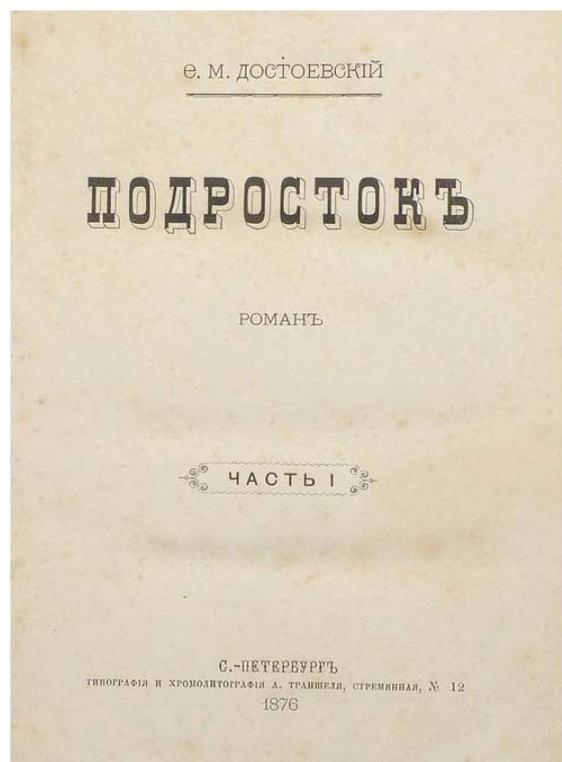
Не утерпев, я сел записывать эту историю моих первых шагов на жизненном поприще, тогда как мог бы обойтись и без того. Одно знаю наверно: никог-

да уже более не сяду писать мою автобиографию, даже если проживу до ста лет. Надо быть слишком подло влюбленным в себя, чтобы писать без стыда о самом себе. Тем только себя извиняю, что не для того пишу, для чего все пишут, то есть не для похвал читателя. Если я вдруг вздумал записать слово в слово всё, что случилось со мной с прошлого года, то вздумал это вследствие внутренней потребности: до того я поражен всем совершившимся.

[Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 5]

Роман получился огромный. Там поднято много тем, мучавших Достоевского, — прежде всего, куда пойдет молодежь, кто ее духоводители. Две фигуры очевидны. Это реальный отец — барин Версилов, и бывший дворовый Версилова — Макар Долгорукий, официальный отец Подростка. Главная цель героя-рассказчика, подростка Аркадия Макаровича Долгорукого, — разобраться, кто таков его настоящий отец, Андрей Петрович Версилов, начинавший свою жизнь с принятия идеалов, усвоенных из «Антон-Горемыки» и «Полиньки Сакс». Подросток почти в первых строках сообщает: «...этот человек, столь поразивший меня с самого детства, имевший такое капитальное влияние на склад всей души моей и даже, может быть, еще надолго разивший собою всё мое будущее...» [там же, с. 6]. Что касается его юридического отца, которого наша идеологическая критика называет идеальным человеком, подлинным выразителем православного народа и главным смысловым героем романа, то он практически не интересуется Аркадия. Уж слишком несимпатично выглядел в глазах Подростка отказ законного мужа от жены в пользу Версилова: «Версилов, выкупив мою мать у Макара Иванова [курсив мой. — В. К.], вскорости уехал и с тех пор, как я уже и прописал выше, стал ее таскать за собою почти повсюду...» [там же, с. 13]. Макар не действует, а произносит значительно благоглупости. Макар, скорее всего, импотент. Он не мог быть реальным мужем Софьи. Первый ее ребенок, как мы знаем, — Аркадий, сын Версилова.

Ситуация, почти взятая из жизни. Ведь свою будущую законную жену Николай Алексеевич Некрасов выиграл в карты у купца Лыткина. Слово из по-

Авдотья Панаева

Селина Лефрен

Зинаида Николаевна Некрасова
(Фёкла Анисимовна Викторова)

Любимые женщины Некрасова

Favorite women of Nekrasov

эмы Лермонтова «Тамбовская казначейша», где казначей проигрывает улану свою жену. Поэту было 48 лет, Фёкле Анисимовне, Феклуше — около 19-ти. По разным сведениям, она была не то дочерью солдатского барабанщика, не то военного писаря, а ее мать была прачкой. Подержав ее некоторое время на съемной квартире как содержанку, Некрасов перевез ее к себе, дав другое имя — Зинаида. И в романе мать Аркадия Долгорукого была женой дворового человека, которую барин Версилов не выиграл, разумеется, но отобрал у слуги.

У Некрасова, несмотря на тяжелую юность, было немало женщин, как и положено поэту, тем более дворянину. Светские (Панаева), француженка Селина Лефрен и последняя, ставшая смыслом и опорой его жизни — Фёкла Викторова (Зинаида), которой он дал свое отчество, а за несколько месяцев до смерти обвенчался с ней, дав и свою фамилию, чтобы оставить ее юридически защищенной. И надо сказать, что у русского Пигмалиона получилась чудесная Галатей, умная, преданная, заботливая. Она выучилась французскому, была первой слушательницей его стихов.

«Подросток», один из лучших романов Достоевского, поразивший Европу, в России поначалу оставался практически не прочитанным. Писатель нервничал, как бы в «Отечественных записках» не потребовали от него изменений в романе в духе их направления. Хотя там были и аллюзии на судьбу самого главного редактора. Скажем, тема Некрасова о приобретении миллиона стала одной из важнейших в романе.

Миллион — вот демон Некрасова! Что ж, он любил так золото, роскошь, наслаждения и, чтобы иметь их, пускался в «практичности»? Нет, скорее это был другого характера демон; это был самый мрачный и унижительный бес. Это был демон гордости, жажды самообеспечения, потребности оградиться от людей твердой стеной и независимо, спокойно смотреть на их злость, на их угрозы. Я думаю, этот демон присосался еще к сердцу ребенка, ребенка пятнадцати лет, очутившегося на петербургской мостовой, почти бежавшего от отца.

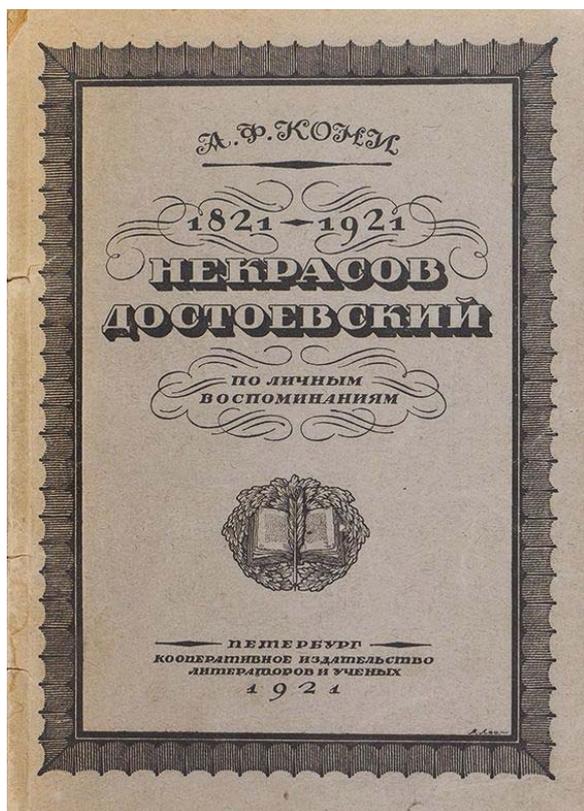
[Там же, т. 26, с. 122]

Именно этот демон терзает душу юного героя романа Аркадия Долгорукого. Роман написан от первого лица, и герой ясно высказывает свое кредо: «Моя идея — это стать Ротшильдом. Я приглашаю читателя к спокойствию и к серьезности. Я повторяю: моя идея — это стать Ротшильдом, стать так же богатым, как Ротшильд; не просто богатым, а именно как Ротшильд» [там же, т. 13, с. 66]. В сущности, перед нами «роман воспитания». И ясно, что отдаленный прототип Аркадия — это Некрасов с его бесприютной юностью, желанием стать сильным и независимым. Он также и прототип родного отца Подростка, барина Версилова.

У Достоевского намек на смысл образа часто дает фамилия героя. Т. Касаткина ищет смысл ее в латинском слове *verso*, то есть катить, катать; кружить, вращать; вертеть, поворачивать; метаться от одного решения к другому [см. Касаткина, 2004]. Но, кажется, вряд ли Достоевский стал бы искать в латыни некие слова для выражения метаний героя (латынь не была его языком, это язык юных нигилистов). Естественнее в поисках фамилии обратиться к языку, которым он владел свободно, которым говорят его герои (от Верховенского до Версилова), — французскому. С перевода бальзаковской «Евгении Гранде» он начинал свою литературную карьеру. Многие реминисценции романов Бальзака и Гюго очевидны в его творчестве. Парижская коммуна — явная тема его размышлений. На парижской баррикаде погибает Рудин, герой Тургенева, с которым у Достоевского шло внутреннее соперничество. Герои его романов — люди 1840–1850-х годов — постоянно вставляют французские словечки, одного всемирно признанного прототипа Версилова — Герцена — он называет по-французски «*gentilhomme russe et citoyen du monde*». По-французски писал свои историософские статьи Тютчев. Версилов вспоминает в ключевом идеологическом эпизоде картину Клода Лоррена, французского художника. Так что всё ведет нас к поиску французского корня фамилии героя. *Vers* (*франц.*) — 1) стих; 2) стихи, поэзия; *faire des vers* — сочинять, писать стихи; *mettre en vers* — облечь в стихотворную форму. И этот смысловой корень фамилии весьма подходит герою.

Версиров — поэт, мечтатель, рассказ о золотом веке по картине Клода Лоррена он заканчивает стихотворением Гейне, немецкого поэта, значительную часть жизни прожившего во Франции. Николай Семенович, резонер романа, пытается подвести итоги исповеди подростка, замечает о Версирове пронизательно: «Он истинный поэт и любит Россию, но зато и отрицает ее вполне» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 452].

Эта характеристика вполне подходит поэту Некрасову. В 1852 году Некрасов написал программное стихотворение «Блажен незлобивый поэт». Оно как бы мотивировано смертью Гоголя, но оказалось кредо самого поэта.

Но нет пощады у судьбы
Тому, чей благородный гений
Стал обличителем толпы,
Ее страстей и заблуждений.
Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающей лирой.
Его преследуют хулы:
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.
И веря и не веря вновь
Мечте высокого призванья,
Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья.

[Некрасов, 1981–2000, т. 1, с. 97–98]

Последние годы Некрасов очень тяжело болел. В ту пору реальной жизненной опорой была его Галатее, Зинаида Николаевна, сохранившая верность поэту и его памяти до самой своей смерти. Она выполняла функцию сиделки, медсестры, нянечки и бесконечной слушательницы его новых стихов. Он писал ей стихи («Зине» («Двести уж дней...»)):

Двести уж дней,
Двести ночей
Муки мои продолжаются;
Ночью и днем

В сердце твоём
Стоны мои отзываются,
Двести уж дней
Двести ночей!
Темные зимние дни,
Ясные зимние ночи...
З[и]на! закрой утомленные очи!
З[и]на! усни!

(1876)

[Там же, т. 3, с. 179]

Как водится, перед смертью пошли клеветы, и тогда очень резко в защиту Некрасова выступил в «Дневнике писателя» (за 1877 год) Достоевский:

Некрасов есть русский исторический тип, один из крупных примеров того, до каких противоречий и до каких раздвоений, в области нравственной и в об-

И. Н. Крамской. Н. А. Некрасов в период «Последних песен». 1877–1878

I. N. Kramskoy. N. A. Nekrasov during the “Last Songs” period. 1877–1878

ласти убеждений, может доходить русский человек в наше печальное, переходное время. Но этот человек остался в нашем сердце. Порывы любви этого поэта так часто были искренни, чисты и простосердечны! Стремление же его к народу столь высоко, что ставит его как поэта на высшее место. Что же до человека, до гражданина, то, опять-таки, любовью к народу и страданием по нем он оправдал себя сам и многое искупил, если и действительно было что искупить...

[Достоевский, 1972–1990, т. 26, с. 126]

Достоевский пережил Некрасова на три года, успел произнести речь на его похоронах. Там и выстроил ряд: Пушкин — Лермонтов — Некрасов.

Да, это и в самом деле были сильные люди! Два юбиляра-современника, два великих русских писателя. Такие люди и создавали русскую литературу, творя тем самым Россию.

Список источников

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990. 30 т.

Касаткина Т. А. Образы и образа. «Подросток» // Касаткина Т. А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле слова». М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 275–280.

Кони А. Ф. 1821–1921. Некрасов. Достоевский. По личным воспоминаниям. Пб.: Кооперативное издательство литераторов и ученых, 1921. 81 с.

Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1981–2000. 15 т.

Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. Т. 15: Письма 1887–1889 годов. 989 с.

References

Chernyshevskii, N.G. (1950) *Polnoe sobranie sochinenii: v 15 tomakh. Tom 15: Pis'ma 1887–1889 godov* [Complete Works: in 15 vols. Vol. 15: Letters 1887–1889]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury [State Publishing House of Fiction].

Dostoevskii, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 vols] (30 vols). Leningrad: Nauka Publ. Leningradskoe otdelenie.

Kasatkina, T.A. (2004) 'Obrazy i obraza. "Podrostok"' ['Images and Images. "The Teenager"'], in Kasatkina, T.A. *O tvoryashchei prirode slova. Ontologichnost' slova v*

tvorchestve F.M. Dostoevskogo kak osnova "realizma v vysshem smysle slova" [About the Creative Nature of the Word. Ontology of the Word in the Works of F.M. Dostoevsky as the Basis of "Realism in the Highest Sense of the Word"]. Moscow: IMLI RAN, pp. 275–280.

Koni, A.F. (1921) *1821–1921. Nekrasov. Dostoevskii. Po lichnym vospominaniyam [1821–1921. Nekrasov. Dostoevsky. According to personal memories]*. Petersburg: Kooperativnoe izdatel'stvo literatorov i uchenykh [Cooperative publishing house of writers and scientists].

Nekrasov, N.A. (1981–2000) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 15 tomakh [Complete Works and Letters: in 15 vols]* (15 vols). Leningrad: Nauka Publ.

Информация об авторе: В. К. Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

Information about the author: V. K. Kantor — DSc in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and European Dialogue”. National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.07.2021;
одобрена после рецензирования 20.08.2021;
принята к публикации 25.08.2021.

The article was submitted 21.07.2021;
approved after reviewing 20.08.2021;
accepted for publication 25.08.2021.